

Общественная концепция личности и жанрово-стилистические характеристики текстов в средствах массовой информации

ЛЮДМИЛА М. МАЙДАНОВА, ЕЛЕНА Г. СОБОЛЕВА,
ЭЛИНА В. ЧЕПКИНА
(Екатеринбург)

Предмет наблюдения в данной работе - тексты, функционировавшие в средствах массовой информации (СМИ) России в конце так называемого застойного периода и в период перестройки и постперестройки. Многие особенности текстов этой сферы общения связаны с тем, какая концепция личности господствует в государстве. Эту зависимость мы и постараемся проследить.

70-е - начало 80-х гг. В тоталитарном государстве безусловный приоритет отдавался оценке человека с точки зрения его социального статуса и социальной роли, от него требовалось полное подчинение единой моральной норме общественного служения в ущерб всем другим интересам. Узко понимаемая социальная природа индивида предполагала игнорирование, а то и осуждение таких сторон личности, как биологическое или духовное "Я". В человеке упрощенно противопоставляли социальное индивидуаль- ному.

Безусловно, сейчас эти суждения - общее место, и может возникнуть искушение сказать, что в текстах СМИ, подвергавшихся чудовищной цензуре, тотальному партийному контролю, платные пропагандисты и агитаторы просто воспроизводили освященный правящей верхушкой канон. В

результате на читающую публику обрушивались схематичные поделки, отупляющие массовое сознание.

Был ли канон? Был. Еще в середине 80-х годов мнение, что самое главное в человеке - коммунистическая убежденность, ответственность, преданность общественному делу, идейная стойкость, коллективистское сознание, провозглашали сами журналисты, это входило в научные обобщения теории журналистики, об этом говорили герои многочисленных публикаций (Стюфляева 1989).

Сборник *Всего одна жизнь: Журналисты "Комсомольской правды" о молодом современнике, а также о ценностях истинных и мнимых* включает произведения, опубликованные в газете за период с середины 70-х по начало 80-х годов. Это типичные газетные публикации тех лет, причем такие, которые не прошли незамеченными читателем. Отбор материалов позволяет сказать, что книга реализует ту концепцию личности, которой придерживалось общество того периода.

Сборник открывается очерком К.Симонова Верен *Родине и себе*. Он посвящен рязанскому комсомольцу Анатолию Мерзлову, который во время жатвы пытался спасти от огня трактор и погиб. Не делается никакой попытки разобраться в причинах трагедии, просто сказано, что трактор был "старенький" и от случайной искры вспыхнула солома (время, когда журналисты скажут, что героизм одних становится у нас необходимым из-за безответственности других, еще не пришло). Как сообщает автор, некоторые читатели высказали мнение, что, быть может, из-за старой железки не стоило рисковать жизнью. Пафос очеркиста сводится к опровержению этого мнения. Оживляя метафорический штамп "битва за хлеб", Симонов выстраивает развернутое сравнение: битва за хлеб - военное сражение, сражение Великой Отечественной войны; трактор - танк; героя - действия бойца, спасающего танк. В этом контексте трактор становится "частицей народного достояния, то есть в конечном счете частицей Родины" (С. 19). В характеристике героя ключевыми являются слова ответственность и долг.

Все последующие тексты на примере героев и антигероев прямо или косвенно продолжают ту же линию. Список ключевых слов пополняется такими, как *народная инициатива, коллективизм, добросовестность, трудолюбие, подвижничество, принципиальность, энтузиазм, идейность*. В антигероях, соответственно, осуждаются вещизм, эгоизм, беспринципность.

Таким образом, канон налицо, и в десятках городских и районных газет под этот набор ключевых слов подводились сотни людей, ставших героями портретных зарисовок. Но всю журналистику этого периода нельзя сводить лишь к набору концептуальных, жанровых, композиционных и языковых штампов.

По весомости и популярности среди жанров газетнопублицистического стиля лидировал, без сомнения, очерк. И очерки ведущих журналистов тех лет демонстрируют отточенное писательское мастерство, искреннее уважение к герою и читателю. Эта струя подлинности мысли и чувства среди моря штампов, на наш взгляд, объясняется весьма серьезными объективными причинами.

Эрнст Неизвестный в статье *Катакомбная культура и власть* коротко сформулировал закономерность, так сказать, трудового напряжения в советском обществе: "Все курят, один работает, потому что он генетически не может не работать. На нем все и держится" (С. 24). Такие генетически не способные не работать люди были в каждой сфере деятельности. И правящая верхушка не могла не понимать, что эти единицы требуют если не материальной, то хотя бы моральной поддержки в виде одобрения их усилий, нравственных качеств, взглядов, не противоречащих пропагандируемой концепции личности. В очерке происходила встреча мастера-журналиста, мастера-героя и мастера-читателя, т. е. встреча трех лиц, генетически не способных не работать. Поэтому, несмотря на то что ключевые слова сохранялись, их реальное наполнение было таким живым, искренним и богатым, что текст приобретал свойства подлинной художественной выразительности.

В стандартной портретной зарисовке читатель находил только прямые констатации: герой трудолюбив - он перевыполняет планы и награжден грамотами; герой инициативен - у него несколько рационализаторских предложений. Смыкаясь с текстами партийных документов, эти слова уходили в область идеологических абстракций, утрачивая всякое конкретное содержание: сохранялось языковое значение, дополняемое идеологизированной коннотацией. Так, слово трудолюбивый, конечно, означало "любящий трудиться", но в условиях газетного, радио- и телетекста непременно имелось в виду: "на благо государства". Поэтому человек, в поте лица выращивающий на своем участке помидоры для продажи, никак не мог бы получить такую характеристику без массы оговорок. Чтобы заслужить эпитет "трудолюбивый", этот овощевод должен был бы бесплатно

везти свои помидоры в детский сад, посылать их на БАМ, раздавать соседям и прочее в этом духе.

Но вот эти идеологизированные абстракции попадали в текст журналиста-мастера. И здесь, при полной сохранности идеологических коннотаций, они превращались в словесные образы (по Б.А.Ларину), так как обогащались конкретным текстовым содержанием. Обратимся лишь к одному, но зато очень яркому тексту. Это очерк Инны Руденко *Сенсация XX века* ("Комсомольская правда", 8 янв. 1980). Это рассказ о замечательной русской балерине Галине Улановой. Канон выдержан строго: говорится о трудолюбии, чувстве ответственности, принципиальности, патристичности, присущих Улановой. Но благодаря отбору деталей и метафоризации или символизации их номинаций канонические слова утрачивают свою абстрактность. Автор вводит естественные поводы для рассказа о той или иной черте характера героини. Так, разговор о трудолюбии вводится как ответ на вопрос Хаскелла: "Каким путем добывается классическая танцовщица, чтобы мы поверили, что она наивная крестьянка, знающая, что такое хлев и птичий двор?" Любовь к родине проходит лейтмотивом в рассказе о том, как дороги Улановой воспоминания об озере Селигер. А самое главное состоит в том, что рассуждения о характере Улановой вплетены в поэтичные описания ее искусства. Озерная ритмика танца балерины, бурные волны ее характера, тихий шелест струй Селигера на песчаных отмелях, росистые утра и легкий бег байдарки - все это сливается в гармоничную картину жизни и творчества великой актрисы. Поэтому и трудолюбие ее, и любовь к родине, и ответственное, серьезное отношение к своему таланту и своему искусству становятся представимыми, изображенными, а не остаются просто названными, констатированными. Но чтобы добиться такого результата, и журналисту потребовалось большое литературное мастерство.

И речь здесь не только об Инне Руденко. В очерковом творчестве ярко раскрывался талант многих журналистов. Геннадий Бочаров показал себя как мастер изображения катастрофических событий (сложных испытаний самолетов, стихийных бедствий, медицинских операций, спасения людей из завалов в шахте), и для этого он виртуозно использовал многочисленные приемы изображения художественного времени и, следовательно, сложнейшие композиционные ходы, добываясь динамичности и почти детективной увлекательности изложения. Анатолий Аграновский создал свой мир открытой читателю лаборатории журналистского творчества,

шаг за шагом излагая процесс разрешения проблемы. Евгений Богат давал такие психологически точные и тонкие портреты своих героев, какие не всегда можно найти в художественном произведении.

Очерковая публицистика в те годы владела всем арсеналом выразительных средств художественной литературы. Журналисты умело отбирали сюжетные элементы - напряженные события, сложные конфликты, они нередко обостряли описываемые ситуации за счет их столкновения в контрасте, за счет различных композиционных приемов, обеспечивающих интерес адресата к чтению. В языковом плане очерковое письмо являло собой тонко организованную систему образных средств и богатейший набор синтаксических фигур. В общем, очерковое письмо являло собой наглядное пособие по риторике. И в этом блестящем, отточенном повествовании идеологические стандарты как мертвые схемы разрушались, словам возвращался их нормальный смысл, хотя семантика нормативности сохранялась. Можно сказать, что это была талантливая нравоучительная литература, противостоящая всей остальной массе квазипортретных публикаций, представляющих собой набор штампов.

Общественная концепция личности реализовалась также в рамках текстов, причем и здесь обнаруживается два типа такой реализации. При реализации первого типа личности коммуникантов были жестко стандартизированы. Газета, радио, телевидение отводили себе роль учителя, наставника, а адресату предназначалась роль ученика, подчиненного, которому нужно лишь прилежно исполнять предписанное. Это было воплощение известной формулы "газета - коллективный агитатор, пропагандист и организатор". Автор публикации выступал как представитель органа СМИ, а орган СМИ - как орудие партийного руководства обществом. Отсюда главенствующая модальность текстов СМИ того периода - должностное повеление. Наиболее полно и открыто она воплощалась в передовой статье, но и все другие тексты в целом были окрашены той же интонацией повеления. Причем тональность официальной торжественности вполне соответствовала набору и идеологической коннотации ключевых слов.

Совершенно очевидно, что если из номера в номер газета сообщала о людях - ответственных за дело, несущее благо социалистическому отечеству; любящих труд на благо социалистического отечества; вообще преданных интересам отечества и ставящих их выше личных интересов, то включение сниженных по стилистической окраске элементов было весьма ограничено. Тексты, сконструированные из стандартных концептуаль-

ных компонентов, представляли автора в строго заданной роли передатчика общественных требований к личности. Следовательно, и его собственная личность редуцировалась и фигурировала как некая социальная, а еще точнее - как партийная функция. Читателю была отведена роль объекта идеологического воздействия, направленного исключительно на волю адресата, потому что ни думать, ни переживать по поводу очередного комплекта идеологизированных штампов было решительно невозможно.

Тексты СМИ, в которых преодолевался концептуальный стандарт, и модальную рамку имели своеобразную. В этих произведениях тщательно разрабатывался образ риторика. Основная тональность общения автора с читателем определялась формой доверительной беседы на серьезную тему. В этом обращении не было ничего фамильярного и ничего официального. Искренность, уважение к собеседнику, направленности речи на убеждение, т.е. на разум и чувство, - таковы основные характеристики изложения. Тональность сохранялась повышенной, но не трибунная, так как журналист-мастер понимал, что громкие слова не годятся для общения с умным читателем. Яркий пример эффективного взаимодействия с адресатом представляет собой творчество Анатолия Аграновского. Он говорил, что публицист должен "вести читателя путем мысли", и сам строил свои произведения как исследование проблемы. Например, в очерке *Вишневый сад* ("Известия", 4 апр. 1973) рассматриваются, как бы изучаются поступки антигероя - бригадира садоводческой бригады, посадившего мальчика, который воровал вишни, в сарай с ядохимикатами.

Уже в зачине создается образ адресата, вернее, адресатов, так как прогнозируется, что аудитория разделится на две части - одна будет безоговорочно согласна с автором, другая выскажет мнение, которое придется опровергать: "История, увы, не новая, старая: дети воровали ягоды в совхозном саду. Подчеркиваю: в совхозном. Подчеркиваю: воровали. Подчеркиваю: дети. Вы как хотите, а для меня из всех обстоятельств это главное - дети".

Журналист подробно рассказывает о том, как собирал факты, осматривал место действия, разговаривал с участниками события. Вот он четко формулирует проблему: "Нам подавай добро в белых одеждах и зло, чтоб черным-черно, а жизнь сложна, и вот какой тут вышел переплет. Надо разбираться, ничего не попишешь, вести объективное расследование. Потому что жестокость отвратительна, да и воровство не добродетель, и ведь действительно тянут, это стало проблемой, бедствием, и надо ставить

этому заслон, - ваше мнение, любезный читатель?" Поскольку предлагается выбор, снова подразумевается, что в стане читателей окажутся сторонники и того и другого пути решения проблемы. Читатель может, однако, вспомнить начало, он может попытаться предугадать авторское решение. В общем, Аграновский дает собеседнику возможность думать, предполагать, соглашаться или не соглашаться, т.е. создает сложный образ аудитории и организует напряженную и неоднозначную умственную работу реального читателя.

Однако спор спором, а в целом журналист-мастер выступает как носитель общественного идеала. Поэтому сохраняется повышено книжная, "серьезная" тональность изложения. Например, в процитированных фрагментах лексика в основном нейтральная, а иногда и чуть сниженная, но вот синтаксис - синтаксис ораторский. Это все-таки, при всей имитации беседности, речь риторически искусственного человека, знающего толк в фигурах и других выразительных приемах.

Итак, в рассмотренный период наблюдается господство государственно освященной канонической концепции личности с безусловным преобладанием общественного над частным. Тексты СМИ делятся на два класса: в одном из них господствуют стандарты без всякой установки на личностный контакт с читателем, модальность долженствования проявляется прямо и грубо, ключевые слова лишены конкретного содержания, автор и адресат находятся в отношениях руководителя и подчиненного; во втором классе при сохранении той же концепции личности фактический материал получает личностную окраску, ключевые слова употребляются образно, т.е. наполняются контекстуальными смыслами, модальность долженствования вплетена в семантику интеллектуальной беседы автора и адресата, причем последние также представлены в тексте как образы, наделены индивидуальными чертами. В целом все тексты СМИ характеризуются повышенной тональностью, поскольку в любом случае адресат оказывается объектом "пропаганды, агитации и организаторских действий" средств массовой информации.

Конец 80-х - 90-е годы. Сегодня нередко можно услышать мнение о том, что единственное приобретение России от социально-политических перемен - это свобода слова. Сегодняшнее российское общество - это общество без ответов, и такое состояние умов налагает отпечаток на все стороны жизни и деятельности. Поэтому и мы дадим лишь краткий очерк тех новых

явлений, которые возникли в текстах СМИ, но судьба которых вырисовывается еще очень нечетливо. Изложение наше будет тезисным.

1. Государство провозгласило ориентацию на общечеловеческие ценности, что привело к разрушению канонической концепции личности. Получили признание частные интересы человека, а также такие стороны личности, как влечения, наличие внелогических форм постижения мира - религиозные, мистические формы мышления, интерес к ужасному или волшебному. При этом рано говорить о полном устранении концепции человека с резким противопоставлением общественного и личного, Множество фактов свидетельствует о типичной для любого стереотипа смене знака оценки, но не о смерти самого стереотипа. Если раньше превозносили общественное в человеке и пренебрегали частным, то теперь, наоборот, весьма несмело говорится о первом и, напротив, с энтузиазмом обсуждаются вопросы, связанные с частной жизнью, с интимными сторонами существования индивида. Таким образом, целостной концепции личности в обществе нет, нет даже хоть сколько-нибудь четких предпочтений.

2. Разрушено тематическое, концептуальное, стилистическое единство текстов СМИ. Начинает формироваться деление прессы и аудиовизуальных текстов на качественные и бульварные. Если первые пытаются вести серьезный разговор о высокой духовности, о потребности личности в осмыслении жизни, то вторые предпочитают отыскивать самые потаенные уголки души современника, самые невероятные, аномальные, случайные стороны его жизни, достаточно назвать "СПИД-инфо", "Скандалы". Правда, "серьезные" газеты время от времени публикуют сенсации сомнительного характера в рубриках типа "Слухи", "Сенсации", "Светская хроника", поэтому говорить о завершенности данного процесса пока не приходится.

3. Со страниц газеты почти исчез очерк. Во второй половине 80-х годов на короткий срок стал популярным политический портрет, но к середине 90-х годов и в этом жанре острая нужда миновала, так как общество получило минимум необходимой информации об исторических личностях, имена которых до этого времени почти не были известны. На первый план вышло интервью, причем собеседником журналиста может выступить весьма экзотическая личность. Со страниц газет и в эфире звучат сейчас голоса бродяг, заключенных, смертников, воров, проституток. Появились передачи и публикации по проблемам алкоголизма, детей с ограниченными возможностями, причем в электронной журналистике герои выступлений нередко представляются читателям через интервью. Поэтому неверо-

ятно обогатился спектр голосов. Например, в программах “Радио России” прозвучала исповедь женщины, излечившейся от алкоголизма (*Двенадцать шагов*), рассказ ребенка, страдающего детским церебральным параличом (*Обращение к сердцу*). Местный эфир пестрит регионализмами, передачи на религиозные темы доносят до адресата отдельные элементы церковнославянской речи, очень часто наблюдаются индивидуальные речевые дефекты.

4. Общество в кризисной ситуации, когда не ясны ни политические, ни экономические, ни нравственные перспективы, довольно вяло пытается понять, на какие же черты личности надо сегодня ориентироваться. Судьба старого набора добродетелей печальна, так как многие из них скомпрометированы уже в последнее время. Инициативность несмело предлагается в качестве идеала - пишут и говорят о предпринимателях и фермерах, однако каждый автор отмечает трудности, с которыми сталкиваются эти люди в своей деятельности, и тем вольно или невольно возрождает в памяти адресата афоризм застойных времен “инициатива наказуема”. Патриотизм в смутном общественном сознании компрометируется связью с национал-патриотизмом. Во всех словах, называющих канонические концепты, безусловно устраняется коонотация, связанная с коммунистической идеологией и социалистическим отечеством. В словах трудолюбие, ответственность появляется новая семантика, передающая замыкание этих качеств в субъекте. Разъясняя адресатам суть ценных бумаг, инвестиционных вложений и т.п., специалисты в статьях, телеи радиоинтервью постоянно говорят о том, что пришло время ответственности за себя, за свои сбережения. В рекламе акционированного предприятия рабочий с гордостью говорит: “На себя работаем”, причем совершенно очевидно, что это полемический выпад против формулы советской эпохи “работаем на общество и тем самым на себя”. Сейчас акцент сменился, мало того, смысл “на общество” часто вообще редуцируется.

Описанные перемены в значении канонических элементов портрета наблюдаются в текстах серьезной журналистики. Однако отдельные компоненты этого набора попадают и в публикации бульварной прессы. И там судьба их пока непредсказуема, настолько странным становится их смысл. Так, в одном из номеров “Скандалов” (2, 1995 Москва) дважды появляется слово ответственность. В интервью с человеком, объявившим себя императором России, вдруг возникает такой пассаж: “Далеко не каждый имеет соответствующий уровень ответственности. Я вот набрался смелости

стать правящим регентом. Прямо из квартиры своего помощника Аркадия Бугаева позвонил в ТАСС и сделал заявление". Трудно сказать, что подразумевает под ответственностью человек, у которого журналист спрашивает, не сумасшедший ли он. Но не менее таинственна и ответственность, которую приписывает редакция "Скандалов" человеку, обещающему сообщить всем, кто пожелает, магические слова, приносящие исполнение всех желаний. Ситуации, о которых сообщает газета, скорее говорят о безответственности их субъектов, если учитывать традиционное значение слова. Но этот парадокс редакцию не смущает. Через тексты СМИ общество пытается найти новый набор социально значимых качеств личности. Интервьюируемым часто задается вопрос о том, что они больше всего ценят в человеке. Показателен радиоопрос в день прощания с В.Листьевым. Наиболее часто повторялось слово порядочность.

5. Модальная рамка текстов СМИ также дифференцируется по типам изданий, хотя в целом можно отметить, что отношения между коммуникантами изменились в сторону непринужденности, неофициальности общения. Образ автора снижается, он не боится предстать сомневающимся, заблуждающимся, озабоченным мелкими житейскими проблемами, т.е. не вполне образцовым. Он не выступает теперь носителем некоего идеала, владельцем истины в последней инстанции. Доверительный тон делает авторское слово менее ответственным, более легковесным: возможно цитирование по памяти, рассказывание анекдотов, слухов, признание своей некомпетентности в каком-то вопросе. Так, ведущий передачи Свердловского областного радио *Утренняя волна* признается слушателям: "Местная вода славится мягкостью и малым содержанием катиона. Что такое катион, я не знаю, но, наверное, чем меньше его, тем лучше".

Ведущие различных радиопрограмм склонны к тому, чтобы точно обозначить условия общения: они подчеркивают время, место, воображаемые действия адресата. Ведущий программы *Валентино* (Свердловское областное радио), после того как прозвучала легкая веселая песенка, сказал, что этот мотивчик "очень способствует небольшой утренней уборке". Ведущие *Студии "Город"* в Екатеринбурге постоянно напоминают слушателям, что, вероятнее всего, те слушают передачу на кухне, за мирными вечерними домашними делами. Ведущие программы *"Начало"* ("Радио России") в воскресных передачах в более или менее изящной форме высказывают предположение, что слушатели их, наверное, еще дремлют в теплых постелях.

Понятно, что в таких условиях исключены отношения поучения, подчинения, диктата. Адресат рассматривается как доброжелательный собеседник, а то и приятель. Издания, ориентированные на сенсационную и скандальную информацию, поддерживают с адресатом фамильярные отношения, что особенно видно в обращении к несогласным. Известно, что серьезное издание на грубость читателя отвечает чаще всего иронично или подчеркнуто вежливо. А вот, например, "Скандалы" могут ответить, что называется, той же монетой. Один разгневанный читатель (Иван Шостак) пишет: "О, "С-лы"! Нет слов, чтобы передать мое мнение о Вашей газете! Лапша на любой вкус для ушей всех видов!" Редакция отвечает: "И. Ш-ак! Есть масса слов, чтобы передать наше мнение о Вашем послании!" (5, 1995 Москва).

б. В результате всего этого переосмысливается модальность долженствования. Если она исчезла из отношений автора и широкого читателя, то теперь она появилась в отношениях автора и адресата с одной стороны и властных структур с другой. Все "надо" обращены теперь то к Президенту, то к Думе, то к правительству. Например: "Когда же Президент России своими устами скажет о перспективах решения чеченского кризиса? Но он предпочитает общаться с членами Совета безопасности, а малочетное право оправдываться предоставляет то Олегу Сосковцу, то Олегу Лобову, то Виктору Черномырдину. Но нельзя же до бесконечности прятать глаза от народа" ("Аргументы и факты - Урал", январь 1995 Екатеринбург).

Эта переориентация средств выражения долженствования осознается обществом. Так, часть оценок ежегодного Послания Президента парламенту связана как раз с модальной окраской текста. Ведущая программы *Утренняя волна* (Свердловское областное радио) отметила, что ее обеспокоило обилие слов *надо* в Послании, ей хотелось бы услышать не то, что надо правительству делать, а то, что будет делаться. Депутат Думы Борис Федоров также обратился к этой особенности текста. Отметив, что основной мотив Послания - "что надо делать правительству", Федоров восклицает: "Чего вы нам-то это говорите? Вы себе скажите!" Таким образом, ясно видно, что без раздражения принимается сейчас лишь одно направление модальности долженствования - от общества в лице СМИ к власти. В отношениях журналист - адресат модальность долженствования в весьма смягченном виде сохранилась в текстах типа советов (как вести хозяйство, как обезопасить себя от ограбления и т.п.). Основная модальность сейчас, на наш взгляд, - это разной окраски вопросительность, утвержде-

ние с оглядкой на возможное возражение, опровержение. В серьезных аналитических материалах эта вопросительность естественна потому, что общество пока не знает способов решения своих проблем, а в скандальных материалах авторы как бы оставляют для себя возможность отступления, обращения сообщения в шутку. Например, в "Литературной газете" за 25 января 1995 года вопрос вынесен в заголовок первой публикации: *Услышим ли мы снова от Бориса Ельцина: "Простите меня, своего президента?* Соседняя публикация содержит вопрос в первом абзаце и под знаком этой неопределенности разворачивается все остальное изложение: "Либо эти попытки лишь скрывают картину в действительности полной дезинформации президента, либо - прости Господи! - он не ведает, что творит".

Три самых крупных материала выносят вопросы в заголовок: *Чеченский капкан. Попала ли в него российская пресса?*, *Мир хижинам - война дворцу?*, *Опиум для народов Европы. Наркобизнес - нажива или выживание?* Вопросом заканчивается еще одна серьезная и большая по объему публикация *Служебный роман в институте и дома*: "Мы поняли недостатки прежней системы. Устранив их и досконально разработав классификацию пороков и технологию операций, вышли на принципиально новый рубеж. Если можно остановить сердце на час, то можно устранить любые пороки. Но кто хочет это понять?" А в "Скандалах" (5, 1995 Москва) публикация *Межпланетный хлев*, сообщающая о том, что "космическими пришельцами были не кто иные, как... свиньи", заканчивается так: "Может быть, открытие Петера Хаульдера заставит нас по-иному посмотреть на хрюшек? Впрочем, далеко не все уфологи разделяют его взгляды. Кое-кто из скептиков полагает, что древние рукописи здесь ни при чем и дело объясняется проще. Мол, уважаемый уфолог сам не уступает в интеллектуальном развитии столь уважаемым им животным..." Понятно, что такие оговорки весьма гармонично соседствуют с обращением к читателю "И. Ш-ак!"

Конечно, заголовки в форме вопросов и прочие конструкции, выражающие неуверенность, употреблялись и в текстах застойного периода. Но там это было не более чем приемом, позволяющим заострить проблему, получающую решение в ходе изложения. В сегодняшних текстах это вопросы без ответа, отражающие всю меру незнания, в которую погружено общество.

7. Общее снижение тональности характеризуется одним малоприятным моментом, проявляющимся главным образом в газете. Это употребление нецензурной лексики. Рядом с такими единицами сниженные элементы прошлого периода выглядят вообще чуть ли не верхом невинности и изящества. В аудиотекстах таких употреблений гораздо меньше. По-видимому, произнести подобное слово в эфире сложнее, чем написать и потом, отделенное от автора, послать его читателям.

Наши заметки дают лишь эскиз проблемы. Нам хотелось подчеркнуть, что тексты СМИ никогда - ни до, ни после перестройки - не были однородными. И различия их как раз были обусловлены тем, как относились их авторы к концепциям личности, бытующим в обществе. В доперестроечные времена одни тексты просто реализовали господствующий канон как набор концептуальных, жанровых, языковых штампов. Другие характеризовались тем, что их авторы в рамках канона умели за стандартным набором качеств личности видеть и показывать читателю живых людей, что позволяло наполнять идеологизированную концептуальную лексику конкретным жизненным содержанием. В постперестроечные годы тексты СМИ дифференцируются по иному основанию. Одни из них в формировании своей концепции личности ориентируются на современного человека в единстве его биологических, духовных, социальных качеств. Другие на первый план выдвигают биологическое, бессознательное, и потому их содержание ограничивается информацией сенсационного и скандального характера. Эта дифференциация текстов затрагивает их жанровые характеристики, модальность, эмоциональную окраску, организацию общения автора и адресата.

Источники

Всего одна жизнь, 1984, Москва.

Литература

Стюфляева М.И., 1989, *Человек в публицистике*, Воронеж.

Неизвестный Э., 1991, *Катакомбная культура и власть*, "Вопросы философии" 10, Москва.

Social Conception of the Individual, Text's Genre and Style Characteristics in Mass Media

Media's texts have never been homogeneous, not before or after perestrojka. The differences between them were based on the author's attitude to the conception of the individual expressed by the society.

Before perestrojka some texts expressed their dominating canon in a number of conceptual, genre and language clichés, others, in the frames of canon, filled ideological vocabulary with concrete meanings.

At the postperestrojka period the media's texts are classified by the other reasons. Some of them creating their own conception of the individual develop the values of a human being as a synthesis of his biological, spiritual and social qualities. Others determine biological and unconscious qualities to be their priorities, and that's why their plots are limited by the sensational information and scandals.

Text's differentiation of the both periods touches genre characteristics, communicational frame, modality and emotional description.